

В «СТОЛИЦУ» ПРИАМУРЬЯ!

I

– А ну-ка, с кем-то мне Бог приведёт сегодня скандалить из-за места? – думает пассажир Амурской железной дороги после того, как ценою трёхчасового стояния «в затылок» добился огромного счастья – обладания зелёньким билетом.

Пассажир стремительно направляется к выходу на перрон, но на полпути его отлавливает бравый таможенный и ведёт куда-то, где стоит шум, пыль, сопение, детский плач и всяческий скрежет зубов.

Наскоро приведя содержимое пассажирского чемодана в маленькую копию первобытного хаоса, кое-что измазав жирными пальцами, таможенник отпускает пассажира на волю.

– Ф-фу! Ну, слава Богу! – отдувается пассажир. – Теперь в вагон! С кем-то Бог доведёт поругаться?

В «переживаемый момент» благовещенский вокзал Амурской железной дороги является каким-то своеобразным университетом, где любому пассажиру приходится сдавать экзамен на зрелость своих плеч (расшвыривая ими претендентов на вагонную койку), на крепость боков, на смекалистость и другие стратегические отрасли знания. Получить место в вагоне труднее, чем добиться диплома доктора медицины.

Чтобы поставить ногу на подножку вагона, надо проявить недюжинные способности: отдавить, по крайней мере, пять-шесть конкурирующих ног и в то же время в надлежащий момент дать тумака в бок ближайшему ближнему своему, стукнуть свободной коленкой кого-то справа, лягнуть кого-то сзади, оборвать подол энергичной даме, напиральной откуда-то сверху, и проделать ещё тысячу подобных не совсем хороших вещей.

Наконец пассажир в вагоне.

– Ну, с кем теперь ругаться? – тяжело дыша, соображает он.

Нам с товарищем на этот раз пришлось скандалить с какой-то девицей. Благодаря быстроте ног и крепости комплекции, мы, хотя и не без урона с точки зрения костюма, отыскали свободную койку и бухнулись на неё.

– Занято! – раздалось сзади.

– Ладно! – отозвался я. – Сунься только!

– Занято! Занято! Это наше место! – кричала сзади тоненькая девица с целой подводой тюков и свёртков в руках.

Мы молчали.

Девица с самым решительным видом напирала на моего товарища, но китаец, ломившийся сзади, вовремя распорядился коленкой, и девица повалилась на свои тюки, придавив несчастного товарища моего, как стогом лягушку.

В вагоне воцарился какой-то маленький ад. Крики, визг, писк, ругань, болезненное кряканье, когда в лопатки переднего врезается с размаху плечо заднего, детский плач, гортанный крик китайцев...

– Нет, вы уйдёте! Нет, вы уйдёте! – возбуждённо кричит мне в ухо девица, барахтающаяся в своих тючках, и в её голосе ясно чувствуется приближение истерики.

«Ага, значит, с девицей пришлось скандалить», – соображаю я и принимаю самый равнодушный вид.

Четверть часа проходит при обстановке скверного кошмара. Закрываю глаза и силюсь внушить себе, что всё это сон и скоро пройдёт, и всё будет хорошо.

И вправду: мало-помалу всё входит в русло. Девица находит новое место и успокаивается и даже силится улыбнуться моему товарищу.

Все полки и все койки заняты, лечь негде, только китайцы под потолком, на самых верхних полках, устраиваются вполне комфортабельно.

Ничто не напоминает, что только пятнадцать минут назад здесь была битва русских с кабардинцами [1]. Лица у всех удовлетворённые, даже радостные, точь-в-точь как у любой селёдки, втиснутой в бочку.

– Господа! Неужто нельзя подождать с куреньем? – говорит ласково дама с ребёнком.

– Виноват, мадам! – улыбается приятель и уничтожает пяткой бродни пузатую «собачью ножку» [2].

Свисток кондуктора. Крик паровоза. И ещё свисток.

– Ну, с Богом, тронулись!

Да, всё-таки с большими трудами связана для бедного провинциала-благовещенца поездка в столицу, в Алексеевск!

Больно ноет большой палец ноги, на котором в течение двух минут имел пребывание подкованный гвоздями сапог толстого подрядчика...

II

Самый лёгкий вид беллетристики – вагонные разговоры. Бог мой, чего только нельзя вставить в эти разго-

воры! Если у вас есть записная книжка, в которую вы в течение десяти лет вносили случайные словечки и выраженьица, встречавшиеся вам на жизненном пути, – весь запас их можно опорожнить для одного очерка «В вагоне».

Для хорошего вагонного разговора, как и для всякого порядочного любительского спектакля, нужны: резонёр [3] – какой-нибудь толстый подрядчик, чаще всего в пресловутой «чуйке» [4] или «бекешке» [5], время от времени изрекающий мудрые сентенции, заимствованные автором очерка у героев Глеба Успенского [6] или Семёна Подъячева [7]; нужен первый любовник – пьяный мастеровой, речь которого – сплошное коверканье «умных» иностранных слов и добросовестное увеселение публики, сиречь и читателя; героиня – дама, всегда вместо обычного человеческого голоса имеющая «высокие ноты», «прозрачные ноты», «высокомерные ноты» и ещё чёрт знает сколько всяческих нот; нужен кондуктор, берущий с зайца бакшиш [8], иногда, к вящей радости читателя, фальшивыми монетами; нужны, для оживления общества, два-три комических персонажа из переселенцев; нужен, наконец, автор, который называет себя «я» и в общем разговоре участия обычно не принимает. Когда все эти несчастные жертвы авторской фантазии налицо, их остаётся расставить по местам и заставить говорить. Получается занятно.

К сожалению, те четырнадцать человек, которые помещались в нашем шестиместном «купе», разочаровали бы любого беллетриста. Неинтересный был всё народ. Четверо китайцев храпели под самым потолком. На боковой койке под ними сидела девица, от которой извне пахло резедой, а изнутри – спиртом. Были два зазейских крестьянина [9]. Полупьяный приказчик, сидевший рядом с девицей. Две белогорских [10] крестьянки. Возвращавшийся с освидетельствования ратник. Чиновник. Да двое нас, газетчиков.

Общий разговор не клеился. По обычаю, ругали порядки дорожные, Зееста [11] ругали, кондукторов, но делали всё это неохотно, скорее, по привычке. Переходили на военные темы, на дороговизну, многозначительно «ндакали», «эхали»... Зевали.

Но достаточно было ратнику после особо энергичного зевка произнести: «Н-да, язви его, гульнули. Дешёвка, якорь его... Четыре с полтиной за банчок» [12], – как моментально вспыхнул горячий разговор.

– Как? Что? Где? Когда? – слышалось со всех сторон.

– Неправда! – крикнула сверху девица с таким видом, словно на неё возвели какое-то тяжёлое обвинение. – Неправда! Двенадцать рублей – это ещё так.

– Честное слово, четыре с полтиной! – торжественно, как на присяге, уверял ратник. – В китайском квартале.

– Чистый?

– Настоящий! Дух зашибает!

– Неправда! – не сдавалась девица. – Нет такой цены. Слава Богу, знаем, чать!

– О, паря, что-то ты неладно, – усомнился и крестьянин. – Гли-ко, четыре с полтиной!..

– Хошь на спор? С места не сойти – четыре с полтиной, – уже азартно кричал ратник.

Всё «купе» пришло в возбуждение. Да где же это слыхано – четыре с полтиной? «Разводуха» [13] и та два с полтиной бутылка, разве что по знакомству за два купишь, а тут на-ка, чистый, и четыре с полтиной! Это что же такое? Двенадцать-тринадцать рублей – это ещё так. Это цена. Это мы знаем! Четыре с полтиной? Ясно – врёт.

Ратник божился, крестился, бил себя кулаком в грудь – не верили. И разговор разгорался сильнее.

То тот, то другой рассказывали, по какой цене покупали спирт. Как надували их: дадут «банчок», там полстакана спирту, а остальное вода. Трубки такие вставляют. А вообще – сколько хошь. Вот, например, там-то, там-то. Только дорого, язви его.

– Да что, – заявила вдруг девица, – я сейчас, коли хошь, раздобуду. Тут же, в вагоне.

Удивились. Не поверили.

Девица встала и пошла куда-то. Через две-три минуты вернулась:

– Четыре рубля бутылка – кто берёт?

– А сколько?

– Сколь хошь. Четыре рубля.

Желающих не нашлось. Девица с удовлетворённым видом полезла на полку.

– Тут, брат, сколько хошь достанешь. Только дорого, черти, берут.

* * *

Вот какие разговоры слышали мы во всю дорогу.

Особый это какой-то, амурский народ. Заговоришь о войне – скучно. О политике – скучно. О дороговизне – и того хуже. А дошло дело до спирту – и развернулась амурская душа, и заблестели глаза, и весело стало, как будто...

Как будто и впрямь кто чарку поднёс.

И долго не смолкали эти спиртные разговоры в эту холодную осеннюю ночь, когда поезд нёс нас к столице Амурского края.

Спать было нельзя – негде. Задремлешь сидя, на минуту встанет перед глазами отрывок какой-нибудь грёзы – толчок, удар затылком о стенку и снова в ушах:

– Как нашли у него четыре банчка, таможенный и говорит: «Ну, говорит...»

...Уже за полночь прибыли мы в Алексеевск. Началась суматоха.

Здесь высаживались почти все наши случайные спутники. И когда я спрыгивал с подножки вагона, на площадке слышалось:

– Тут, брат, в любой харчевне сколько хошь. В прошлый раз полтора за бутылку платил. Тут, брат...

III

Алексеевск весь состоит из достопримечательностей. И поэтому всякая попытка дать отчёт о первом впечатлении, производимом «столицею» Приамурского края на приезжего провинциала, всегда будет иметь характер краткого каталога алексеевских чудес. Поистине, «здесь чудеса рассеяны повсюду». Надо ещё принять во внимание, что поезд приходит в Алексеевск ночью, около часу ночи,

что, конечно, только лишний раз свидетельствует о мудрости железнодорожного начальства. Ибо днём приезжий провинциал, погрузившись сразу в море чудес, был бы настолько ошеломлён и сбит с толку, что неизбежно нарушил бы какое-нибудь обязательное постановление. Ночью же чудеса оттеняются не так рельефно и, воспринимаемые в осторожной постепенности, иммунизируют мозг провинциала достаточно, чтобы на следующий день он, провинциал, без особого вреда для общественной тишины и спокойствия, мог воспринимать окружающее и раскрывать от изумления рот.

Первая достопримечательность, встречающая провинциала на самом, так сказать, пороге столицы – это сигнальный колокол на станции Алексеевск. Кто его обидел и чем – я не знаю, но такого жалобного голоса я ещё ни от одного колокола не слышал. И, Боже, как грустно и тихо он жалуется! Его не слышно даже из вокзала, над дверью которого он висит!

Пассажиры, наскоро глотающие чай в буфете, узнают о времени отхода поезда не по звонку, как на других станциях, а по свистку паровоза, и от их собственной прыти уже зависит судьба дальнейшего их путешествия. Впрочем, если в числе зашедших в буфет выпить чаю находится бывалый человек, он знает, как поступать: он просит всех прочих сидеть смирно, говорить только шёпотом, не кашлять, не шевелиться. Воцаряется тишина. Даже самовар на время затаивает дыхание. Так длится пять-шесть минут, и вот откуда-то, словно из загробного мира, раздаётся что-то, похожее на вздох.

– Второй звонок! – кричит бывалый пассажир. – пейте, господа, скорее чай, две минуты до отхода! Скорее, скорее!

Коренные алексеевцы говорят, что этому колоколу обязательно надо выдать казённую субсидию, иначе он совсем откажется служить.

Сам вокзал – тоже достопримечательность. Это в нём в прошлую зиму с таким стоицизмом мёрз начальник станции. Помню, что об этом ещё в газетах писалось. Говорили, что именно на нём, на начальнике станции Алексеевск, решили впервые применить бахметьевский способ анабиотирования людей [14], но неудачно: начальник на всю жизнь остался в полумороженном виде – ни впрок не годится, ни для науки никаких выгод нет. Нынешней зимой, говорят, опыты будут продолжены.

– А вот тут недалеко, – рассказывал нам вышедший, чтобы нас встретить, знакомый алексеевский гражданин, ведя нас во тьме кромешной по каким-то джунглям, – вон за той горкой (никакой горки мы не видели, конечно) на днях медведь управленского чиновника пружестоко окончфузил.

– Медведь?!

– Да, тут вот, недалеко, версты полторы. Тот на охоту отправился в 57-й квартал. Ходил-ходил, сел на пень закурить. Только что чиркнул спичку – как тот в него хватит с перепугу...

– То есть как?

– Медведь-то, видно, лежал под колодой и, я думаю, чай, тоже перепугался и, понимаете, весь форменный костюм ему так и засадил!

– Виноват, вы хотите сказать...

– Ну, знаете, с медведем это бывает. С испугу у него особая такая болезнь появляется.

– То есть, как принято выражаться, медведю пришлось бельё менять?

– И чиновнику тоже. Медведь ему костюм испортил, а бельё – он сам.

(Забегая несколько вперёд, скажу, что факт медвежьей некорректности по отношению к чиновнику нам подтвердили и другие алексеевцы. Вообще, я просил бы читателя верить, что в моих очерках никаких преувеличений нет и впредь не будет, и всё, что может показаться анекдотом, есть доподлинные алексеевские факты.)

Медведь, признаться, нас несколько озадачил.

– Да разве у вас и впрямь медведи по городу ходят?

– Ну, по городу-то, конечно, не ходят, а около – есть. Тут, вообще, дичи много. В прошлом году козу убили во дворе рядом с аптекой. За утками почти в черте города охотятся. Вот скоро собираемся облаву на коз делать – приезжайте.

– Спасибо, тут у вас ещё, пожалуй, вместо козла в какого-нибудь титулярного советника заряд всадишь.

– Зачем? Облава будет далеко, вёрст пять от города.

– Удивительно всё-таки, как это медведь вашего чиновника не задрал?

– Ну, батенька мой, – усмехнулся наш знакомый, – на это не всякий медведь решится. Не забывайте, что мы люди казённые. И, не беспокойтесь, медведи тоже это учитывают.

– Очевидно. Да куда же вы нас ведёте? Где же город?

– Как – где город? Разве мы не городом идём?

– Позвольте, это же лес, форменный лес!

– Это только так кажется. Видите – вон огонёк, тут и мои хоромы. Вон, за теми лиственницами.

– А это не волчьи глаза? – забеспокоился мой товарищ.

– Ладно. Вы, благовещенцы, до сих пор думаете, что мы в тайге живём. Вот завтра я вам покажу, каков наш город. Ахнете!

– Да мы и сейчас ахаем, – проворчал я, летя через какой-то пень под ноги провожатому. – И даже охаем, чёрт его побери!

– Ладно. Это всё с непривычки. Вот завтра всё увидите.

Скоро мы дошли до квартиры и, после недолгих разговоров, улеглись спать, чтобы воспринять завтра алексеевские чудеса на свежую голову.

Ночью мне снились медведи.

IV

Чуден Днепр при тихой погоде, когда...

Н.В. Гоголь

Очарователен Алексеевск весной, когда расцветают его девственные кварталы и разноголосое, разноцветное, разнопёрое городское население с весёлыми песнями возвращается с далёкого юга на свои прежние квартиры.

То стаями, то в одиночку, смотря по темпераменту и наклонностям, вливаются алексеевские жители в свой зелёный цветущий городок. Улицы наполняются шумливой жизнью. По стволам вековых лиственниц деловито шныряют дятлы, громко постукивая, производя инспекторский смотр жужелицам и дровосекам, притаившимся за корой. Солидные вороны спешат выбрать поудобнее берёзу, чтобы немедленно приступить к закладке дома, памятуя, что с переводом в Алексеевск служб Амурской дороги цены на квартиры возрастут. Беззаботные малиновки предаются весёлому флирту. То там, то сям раздаётся кукованье кукушки: отсчитывает, сколько населения нужно показать в официальном донесении властям. Порою мелькнёт чёрным зигзагом кобчик, схватит из-под куста зазевавшегося мышонка и летит на ближайшую сосну учить его уму-разуму.

Город стоит весь зелёный, в цветах и ароматах пробуждающейся тайги. Буйно лезет из земли молодая трава, жёлтыми сосульками висят цветы чернотала. Краснеет багульник. Прошлогодний лист шуршит под прыжками осторожного зайца. Медведь, крихтя, подымается из берлоги и в сонной одуре идёт куда-то напрямик, рискуя попасть под колёса автобуса. Идёт косолапый по улице и равнодушно раскланивается со встречными управленческими чиновниками. А завидит издали господина Зееста – свёртывает в сторону и идёт в сопки, недовольно ворча и почесывая за ухом.

С каждым днём всё оживлённее становится город. Прилетают утки, бухаются в болото в квартале № такой-то и начинают обсуждать проект создания местной газеты.

Из одиноких домиков, сиротливо торчащих в разных концах тайги, выходят двуногие, позёвывають, почесываются, искоса смотрят друг на друга и, вдоволь накряхтевшись, начинают разговор: «А не пора ли опять просить о субсидии?» И решив, что как раз пора, идут к аптекарю за советом. Идут обыватели, а навстречу им идут какие-то чиновники. И те, и другие встречаются у аптеки. Первые входят внутрь за советом, а вторые остаются снаружи и принимаются ломать забор.

Алексеевск начинает жить полной жизнью.

* * *

Очарователен Алексеевск и в начале осени, когда листья его кварталов и улиц окрашиваются в яркие осенние цвета, поспевают грузди в городском саду и брусника краснеет во дворе будущей городской управы. Правда, к осени народонаселение уменьшается почти на три четверти, но тем свободнее чувствует себя оставшаяся четвёртая часть.

Эта четвёртая часть делится на четыре части: чиновники, обыватели, подмоченные и жулики. Собственно, деление это произвольное, условное, как условна, например, линия, именуемая экватором. На практике иногда очень трудно отличить одну категорию алексеевцев от другой. Сами алексеевцы в этом вопросе тоже чувствуют себя более или менее растерянно и не могут порою отличить чиновника от подмоченного или обывателя от жулика. А так как на сей предмет никакого особого распоряжения от господина «заведующего городом» не

существует, то, конечно, путаницы и неразберихи получается много. Но об этом после.

В интересах будущих поколений, которые увидят Алексеевск тем, чем он рисуется сейчас пока что только в воображении начальства, попытаемся зафиксировать, по мере сил, его современное состояние.

Площадь города Алексеевска занимает восемнадцать с лишним квадратных вёрст (четыре с половиной миллиона квадратных сажен), то есть почти в полтора раза больше Хабаровска и немного больше Благовещенска.

На этом пространстве разбросана какая-нибудь тысяча жилых домов [15], то есть в шесть раз меньше, чем в Благовещенске. Если взять во внимание, что и в Благовещенске особой скученности жилых домов не наблюдается, то придётся «за глаза» заключить, что в Алексеевске о такой скученности и говорить не приходится. И в самом деле, как «город» Алексеевск пока что не существует. Есть большой кусок тайги или, если хотите, есть огромный, местами запущенный, а местами без толку вырубленный сад, по которому там и сям раскиданы новенькие, в большинстве жизнерадостно выглядящие домики. Раскиданы то в одиночку, то группами. На ином «квартале» застроена почти вся улица, на ином торчит только одна хата, а порою на двух-трёх смежных кварталах нет ничего, кроме свежих пней срубленных лиственниц да казённого столба, на котором красуется витрина, а на витрине – последнее, по времени издания, обязательное постановление.

Город-сад, город-лес, наконец, город-бульвар или, ещё лучше, робкий маленький намёк на город – так, по нашему мнению, можно назвать Алексеевск. Город-игрушка, ибо на фоне зелёного леса поистине игрушечными кажутся все эти миниатюрные жилища алексеевских граждан. Его можно полюбить, в него можно влюбиться, им можно любоваться, как большой и просторной дачей. Если хотите иметь квартиру, во дворе которой можно брать голубицу и землянику, рвать цветы и грибы; если хотите иметь квартиру, из окна которой можно стрелять в соек, а иногда даже и в коз, – селитесь в Алексеевске, в «городе» Алексеевске. Если вам надоели стены комнат и душа ваша жаждет «простора и зелени лесов», – поезжайте в Алексеевск, в «город» Алексеевск, облюбуйте «квартал», разбивайте в середине его палатку, ломайте сушняк и разводите костёр. Не хотите варить полевую кашу – через три квартала к вашим услугам ресторан, не всегда опрятный, но почти всегда располагающий раззолочённым преискурантом кушаний, в числе коих фигурирует даже «бифштекс под соусом». Ночью можете помечтать у костра, позаняться с комарами или сходить по соседству в иллюзион, где вам покажут картину «Сын заключённой», картину, которая значитесь как «сильно выдающее своим настроениям и страстям». Если к вам ночью в палатку забредёт какой-нибудь любопытный медвежонок, можете учить его танцевать или пригласить в клуб, что через улицу – сразиться в карты.

Город-дача. Благорастворение воздухов, изобилие зелени, простор!

Это – с внешней стороны.

А загляните во внутреннюю жизнь Алексеевска – сплошной анекдот.

Первыми живыми существами, которых мы встретили, выйдя утром для обозрения Алексеевска, были две унылых, скорбных клячи, везших на дребезжащих телегах какие-то колья, крючья, верёвки. Рядом с ними шагали две какие-то особенные человеческие фигуры, на лицах коих ясно читалось: «зверски хочу спать». Мы бы не придали этой встрече никакого значения, если бы наш Вергилий не сказал, что всё это вместе взятое: клячи, колья, телеги и люди – составляет так называемый пожарный обоз города Алексеевска, возвращающийся, очевидно, с очередного пожара. Без этого объяснения мы бы до конца своей жизни остались в уверенности, что видели процессию разорившихся переселенцев, перевозящих последние остатки скарба к дверям ближайшего шинка.

Попутно мы узнали, что пожарное дело оборудовано в Алексеевске в том же строго-алексеевском стиле, как и всё остальное. Пожарный колокол не звонит, так как ещё в прошлом году разбит каким-то не в меру усердным пожарным (то ли при ночном пожаре, то ли при встрече начальства – точно не установлено); пожарная машина, очевидно, имеет разбитое сердце вследствие безнадежной любви, и поршни её страдают чёрной меланхолией; пожарные бочки или отсутствуют, или нашли себе где-то частную службу по домашнему хозяйству; вообще, город давно бы весь дотла сгорел, если бы не распорядительность начальства, которое, судя по всем признакам, имеет власть над стихиями: при маленьком пожаре оно заговаривает огонь, при более крупном – заливают его словесностью.

– Раз видим, – говорит нам Вергилий, – через улицу пожар. Конечно, началась возня, суета. «Пожарных! Где пожарные? Машину скорей!» Ждём – нет! Огонь полыхает, дым, шум, гам. Глядь – едет машина. Запряжена в ней какая-то сивка-бурка вершка в полтора длины, а сзади машину подпирают спинами шестеро пожарных. «Скорей, скорей!» – кричит публика. Куда тебе! Бурка в струнку тянется, старается вовсю – нет, силы мало. Парни тоже потом исходят – ничего не поделать. Где же лошади? – Да, лошади! – бурчит один пожарный. – На паре сам по ягоды поехал, пару под заведующего отдали, а эта вот попалась какая-то, у спиртоноса отобрана, три дня на дворе без корму стояла – «рази на ней увезёшь?» – Отпрягай! – кричит публика. Отпрягли клячу, публика сама в оглобли, марш рысью, только пыль по улице!

...Идём мимо городского сада. Сад – кусок тайги, обнесённый лёгкой изгородью. У дверей – будка. Когда-нибудь здесь будет сидеть изящная кассирша, продавая билеты на гулянье в пользу алексеевского университета, а пока этой будкой пользуется, по-видимому, всякий прохожий, застигнутый неотложной нуждой как раз на этом месте.

В саду были вековые лиственницы и берёзы, было много зелени, но помешала эта зелень кому-то, и сад вырубил и продолжают вырубать. Нет пока в саду ни клумб, ни гряд с цветами, зато есть большие поленницы дров, много пней, много гниющих срубленных берёзок. Конечно, не пристало общественному саду города Алек-

сеевска быть украшенным какими-то вульгарными лиственницами и берёзами. Здесь нужны пальмы, кипарисы, лимонные деревья, древовидные папоротники, разная тропическая благодать. Говорят, что транспорт банановых пальм был уже выписан с острова Явы наложенным платежом, но по случаю войны где-то задержался или был реквизирован. А пока что городской сад отапливает печи казённых учреждений.

Кто первый додумался до необходимости вырубить городской сад на дрова – не знаем и вряд ли можно точно установить. Во всяком случае, доктор Старокотлицкий [16] в лице этого неизвестного имел бы интересный объект для научных наблюдений.

...День базарный – заходим на базар. «Бывает до двухсот подвод», – говорит наш Вергилий, но, очевидно, наш приход распугал добрых сто восемьдесят из них. На оставшихся зеленела капуста и прочая овощь, которую мой товарищ внимательно оглядел, ощупал, приценился, потроговался и, когда сошёлся с продавцом в цене, – сказал: «Нет, как-нибудь после». Базар сюда перенесён из Суражевки [17]. Именно – перенесён, а не сам перешёл. Решили, что в Алексеевске должен быть базар и опубликовали об этом. А так как из Суражевки и из окрестных деревень на этот базар никто не ехал, то были приняты соответствующие меры, вплоть до таких, что именуются «крутыми». В Алексеевск стали тащить, а в Суражевку не пущать. Толку выходило мало; в конце концов, пошли на компромисс: «учредили» базар и в Алексеевске, и в Суражевке, по очереди.

Строящиеся здания Управления железной дороги занимают огромную площадь. Пока ещё всё здесь бесформенно и неопределённо. Главное здание обещает быть поистине грандиозным сооружением. «У нас будет самое большое здание во всём Приамурском крае!» – говорят алексеевцы. Будет! Мало ли что у вас будет, господа. А сейчас-то уж очень мало: только автобусы да инспектор Колокольцев [18].

– Вот эта дорога ведёт к дамбе и к паровой пристани! – поясняет Вергилий.

Пристань есть, а пароходы не пристаю. Два-три рискнули было, ободрали борта и теперь обходят пристань так далеко, как позволяет состояние фарватера.

Однажды было усмотрено, что дорога от дамбы идёт между Алексеевском и Суражевкой, причём явно норовит уклониться в сторону последней. При постройке ли произошло такое упущение или дорога сама под сурдинку к Суражевке переползла (там, говорят, спирту больше), неизвестно, но только найдено было, что такое крамольное направление казённой дороги не может быть терпимо. И приказано было немедленно разломать на этой дороге все мосты. Пришёл техник Баранов с рабочими и начали сокрушать то, что позавчера с таким тщанием возводили.

– Это что же, паря, – спросили суражевцы, – пошто мосты ломашь?

– А, видите, господа, лет через пять-шесть всё равно они пришли бы в ветхость, а деньги на ремонт их тогда, может быть, и не отпустят. Так уж лучше их сейчас разломать, чтобы потом не беспокоиться.

Суражевцы не удовлетворились этим классическим ответом и стали «отбивать депеш». Их успокоили, что для их нужд остаётся другая дорога, что подальше, а эту привели в окончательную негодность.

КОЛЁСНАЯ [19]

Да, о ней, амурской «кrale»,
На которой много крали,
Крали, рвали, воровали,
Мы куплетцы пропоём:

Кошке – радость, мышке – слёзки.
Да, во весь размах руки
Потрудились на «колёске»
Плети, розги, кулаки.

Разукрашена в полоски
Арестантская спина.
Да, ручища на «колёске»
Энергичная видна.

На шантанные подмости
К ножкам Мэри и Лили
Инженерики с «колёски»
Ассиговки волокни.

И кипел в весёлом всплеске
Светлых вин густой янтарь,
И тонул в нём харч с «колёски»
И казённый инвентарь.

Погрузив свои присоски
В тело нищей мелкоты,
Арестантский пот с «колёски»
Пили жадные спруты.

Арестантские обноски
С плеч «преступников» стащив,
Стлали их столпы «колёски»
К голым ножкам пьяных див.

Хватки-взятки были хлётки,
До сих пор дурман стоит.
Лихо крали на «колёске»
Те, кто в честных состоит.

ТРЕНИРОВКА

Начальник станции Бочкарёво [20]
запрещает пассажирам ждать поезда в
вокзальном помещении. Пассажиры вы-
нуждены часами мёрзнуть на перроне.

Факт

Он – угрюмый мизантроп...
Похудел и измотался,
Наблюдая строго, «штов
Пассажир не баловался!»

«Пассажир – ничто и мразь,
А начальство есть начальство.
Ишь, ведь, лезут, не спросясь!
Это прямо верх нахальства!
Эй, почтенный! Осади!
Вон перрон к твоим услугам!
Если хочешь – походи,
А не то – побегай цугом! [21]
Что? Мороз? Какой нахал!
Не скули, пока не помер!
И всего-то насчитал
Тридцать градусов Реомюр! [22]
Стыдно! Русский человек –
Трусит холода? Печально!
Скинь пальто и ляг на снег
И вспотеешь моментально!»

«Господа, ломай ограду!
Разводи скорей костры!
Жги, чтоб жарко было аду!
Где багры и топоры?
Жги, ломай через коленку!
Разбирай стропила крыш!
Эй, земляк, упрись-ка в стенку!
Так... ещё! Ага, трещишь!
Что, идёт? – Пошла, известно!
Подгони под низ багор!
Ах, приятно! Ах, чудесно!
Ну и славный же костёр!
А теперь давайте флягу,
Хватим тропки хлебных слёз! [23]
Ну-с, за русскую отвагу
И за русский сверхмороз!»

Начальство, ходя по пустому вокзалу:
«Чистота! Опрятность! Вот,
Даже больно взгляду!
Значит, к Пасхе не в зачёт
Получу награду!»

НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС

Профессор Дубелир [24], узнав, что
загородные дороги управа строит по его
указаниям, изъявил желание проехать-
ся с головой [25] для осмотра работ.

Хроника

Славь, о лира, Дубелира!
Он – учёный человек!
Он решил уйти от мира,
Кончить свой недолгий век!
Чтобы собственным примером
Остеречь и нас от зол,
Он, в компании с лорд-мэром,
На отчаянность пошёл.

В городской больнице поздно
Ночью был великий стук.
«Кто там?» – сторож крикнул грозно.
«Некто, раненый серьезно,
Да профессорский сюртук.
Отворяй! Вертись живее!
Видишь, тело всё в крови!
Первым долгом, поскорее
Мультановского [26] зови».
Потихоньку всхлипни, лира!
Возрыдай немножко тут!
Это, лира, Дубелира
К Мультановскому везут.

Всю-то ночь в больничном зале
Шум стоял, как в стае ос.
Ноги к телу пришивали
И приклеивали нос.
Ухо как-то по ошибке
Притачали к животу;
Половина брючной штрипки
Оказалась во рту;
Расшивали, снова шили,
Изломали новый зонд...
Только к утру завершили
Окончательный ремонт.

Весь склеенный из развалин,
Он лежал, лишённый сил.
Был рассказ его печален,
И прискорбен, и уныл:
«Дав машине ход свободный,
Я к сидению приник,
Но уже на Загородной
Откусил себе язык.
Хоть изъян, но – малый, вздорный,
Еду дальше и тотчас
Против Северной – Соборной [27]
Ног и рук лишился враз.
Дальше было, как у Данта,
Нечто худшее, чем ад.
Но, с упрямостью педанта,
Я не свёртывал назад.
Рок на нас удары сыпал,
Как из бочки! А финал –
Ваш лорд-мэр в канаву выпал,
Я ж почти совсем пропал.
Но я знаю: правы боги!
Здесь не их вина – моя!
Вы построили дороги,
А «указывал»-то я!

Славь, о лира, Дубелира,
Он отважный человек.
Он теперь ушёл от мира,
Искалечился навек.

В ВАГОНЕ [28]

Припечатанный к скамейке
Парой чьих-то грузных тел,
Проклинаю свой удел.
Кто-то в грязной кацавейке
Подо мною, в свой черёд,
Надрывается-орёт.
Нажимает всё сильнее,
Воротя куда-то вбок,
На моей стоящий шее
Чей-то валеный сапог.
Я упёрся подбородком
В чьё-то жёсткое стегно
И кричу каким-то тёткам:
«Прочь! Тут занято давно!»
Восемь «ходов» [29] с верхней полки
Густо дышат чесноком,
А внизу царит содом,
Все рычаг, как будто волки:
«Прись отсюда! Нет местов!»
Жаркий бой кипит за место,
А по адресу Зееста –
Сотни тысяч крепких слов.

Тра-та-та! – стучат колёса.
Слава Богу! Мы идём!
Воздух – бей хоть обухом,
Ядовитей купороса.
Два каких-то чудака,
Раскрасневшись, как сарпинка [30],
Бьют в плечо проводника:
«А почём у те харбинка?» [31]
Тот – румяный, как луна:
«Чать, известная цена».

Шею выгнувши глаголем,
Обер шествует с контролем:
«У кого билета нет –
Поскорей гони монету!»
И, заслышав фразу эту,
Зайцы лезут в «портмонет».
С русака ли аль с китайца –
Такса общая подряд:
«Рупь за зайца! Рупь за зайца», –
Так колёса тарахтят.

Примечания

1. *Битва русских с кабардинцами* (разг., шутл.) – устойчивое выражение; о какой-либо ссоре, шуме; образовано по названию одного из самых популярных в XIX веке (в мещанской среде) произведений – лубочного романа Николая Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840).

2. *Собачья ножка* (то же, что *козья ножка*) – самокрутка, самодельная папироса в виде бумажной воронки, набитой табаком, махоркой.

3. *Резонёр* – человек, склонный к пространным рассуждениям нравоучительного характера; литературный персонаж,

не принимающий активного участия в развитии действия и призванный, прежде всего, увещевать или обличать других героев, высказывая нравоучительные суждения.

4. *Чуйка* – старинная верхняя мужская одежда в виде длинного суконного кафтана, распространённая в городской мещанской среде в XIX – начале XX вв.

5. *Бекешка (бекеша)* – старинное долгополое пальто сюртучного покроя.

6. *Успенский Глеб Иванович (1848–1902)* – известный русский писатель, реалистически отражавший проблемы городской бедноты, социальные противоречия пореформенной деревни (циклы очерков «Нравы Растеряевой улицы», 1866; «Разорение», 1869; «Власть земли», 1883 и др.).

7. *Подъячев Семён Павлович (1866–1934)* – русский писатель, автор натуралистических очерков, рассказов, повестей о бедственном положении народа в дореволюционной России («У староверов», 1907; «Семейное торжество», 1910; «Жизнь и смерть», 1912), о хищничестве сельских лавочников и кулаков («Карьера Захара Фёдоровича Дрыкалина», 1915).

8. *Бакиши* – подношение, подачка «на чай», взятка.

9. *Зазейские крестьяне* – крестьяне, живущие на левом, противоположном Благовещенску, берегу реки Зея.

10. *Белогорские* крестьянки – жительницы села Белогорье, расположенного в 25 километрах от Благовещенска на правом берегу Зеи, в девяти километрах ниже железнодорожного моста на линии Благовещенск – Белогорск. Ныне входит в городской округ Благовещенск.

11. *Зеест Борис Васильевич* (годы жизни точно не уст.) – инженер путей сообщения, выпускник Петербургского института путей сообщения (1900). С 1909 г. руководил укладкой пути и временным движением на головном участке Амурской ж.д. С 1910 г. зав. временной эксплуатацией головного участка Амурской ж.д., с 1913 г. руководитель временной эксплуатации западного участка ж.д. Начальник западной части Амурской ж.д. (от Куэнги до Благовещенска) и зав. работами по её достройке.

12. *Банчок* – плоский жестяной сосуд, в котором обычно доставлялся в Приамурье китайский контрабандный спирт.

13. *Разводуха* – спирт, разведённый водой; водка, изготовленная из китайского спирта.

14. Имеется в виду *Бахметьев Порфирий Иванович (1860–1913)* – русский учёный, исследовавший проблему сохранения жизни при полной остановке жизненных явлений путём воздействия на организм низкими температурами.

15. По официальным данным, к 1 января 1916 г. в Алексеевске насчитывалось 1225 жилых домов, но из них 200–300 домов пустуют, заколочены. – *Примеч. автора.*

16. *Старокотлицкий Николай Иванович (1875–1939)* – первый врач-психиатр в Амурской области. Уроженец Нижегородской губернии. Окончил духовную семинарию, обучался в Томском университете, окончил университет в Германии. В Амурской области с 1910 г., заведовал психиатрическим отделением городской больницы, вёл научные исследования. В 1917–1920 гг. был активным деятелем Амурского союза республиканцев. В конце 1930-х гг. репрессирован.

17. *Суражевка* – село (основано в 1901 г. переселенцами – выходцами из Суражского уезда Черниговской губернии) и железнодорожная станция, ныне входит в состав г. Свободного.

18. *Колокольцев* – инспектор народных училищ.

19. Сатирическое стихотворение «Колёсная» посвящено *Амурской колёсной дороге* (так называемой «Амурской колёсуре») – трактовой дороге для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которая строилась с 1898 по 1910 г. силами крестьян-переселенцев, солдат и, в основном, каторжан.

20. *Бочкарёво* – железнодорожная станция, ныне город Белогорск.

21. *Цугом* – вереницей, один за другим, толпой.

22. *Реомюр* – здесь в значении термометр, названный по имени Реомюра Рене Антуана (1683–1757) – французского естествоиспытателя, создателя спиртового термометра, шкала которого определялась точками кипения и замерзания воды и была разделена на 80 градусов. Один градус по Реомюру соответствует 1,25 градусов по Цельсию, следовательно, 30 градусов по Реомюру – это 37,5 градусов по Цельсию.

23. *Хлебная слеза* (устар., простор.) – водка.

24. *Дубелир Григорий Дмитриевич (1874–1942)* – известный российский учёный, специалист в области дорожного строительства. Выпускник Института путей сообщения (1898) в Петербурге, профессор (с 1916 г.). Первые его работы относятся к городским дорогам и планировке городов. Г. Дубелир – автор книг «Планировка городов» (1910) и «Городские улицы и мостовые» (1912), ставших основополагающими трудами в данной области исследований. Основные научные труды Г. Дубелира посвящены проектированию и эксплуатации автомобильных дорог. Под руководством Дубелира впервые систематизированы требования к проектированию дорог, составлены первые технические условия на сооружение автомобильных дорог и мостов.

25. Имеется в виду городская голова.

26. *Мультановский Николай Михайлович (1874–1917)* – в 1914–1916 гг. главный врач городской Николаевской больницы, в 1911 г. защитивший докторскую диссертацию, блестящий хирург-практик, успешно проводивший множество операций.

27. *Северная* и *Соборная* – параллельно расположенные, соседние улицы г. Благовещенска, в советское время Соборная переименована в Октябрьскую.

28. Содержательно стихотворный фельетон «В вагоне» перекликается с первой частью прозаического очерка Ф. Чудакова «В “столицу” Приамурья!»

29. *Ходя, ходи* (разг., фам., устар.) – пренебрежительное наименование китайца.

30. *Сартинка* – тонкая хлопчатобумажная ткань в клетку или в полоску.

31. *Харбинка* – водка китайского производства (от названия города Харбина).

Цена
90 руб. 00 коп.